

Польско-русские художественные связи. Ян Станиславский

В статье рассматривается творчество польского художника Яна Станиславского в контексте польско-русских художественных связей. Долгие годы творческого общения и доверительной дружбы связывали его с М. В. Нестеровым.

Ключевые слова: Ян Станиславский; М. В. Нестеров; польское искусство; польский модерн; союз польских художников «Sztuka»; пейзаж; литография

Nina Faminskaya

Polish-Russian Artistic Connections. Jan Stanislavsky

The article examines the creative heritage of the Polish artist Jan Stanislavsky in the context of Polish-Russian artistic ties. Many years of creative communication and trusting friendship connected him with M. V. Nesterov.

Keywords: Jan Stanislavsky; M. V. Nesterov; Polish art; Polish modern; Union of Polish Artists “Shtuka”; landscape; lithography

Ян Станиславский (1860–1907) – Иван Антонович, как называл его Михаил Васильевич Нестеров, – известный польский пейзажист, профессор Академии изящных искусств в Кракове, яркий представитель поколения Молодой Польши, член союза польских художников «Sztuka» («Искусство») с самого его основания в 1897 г. Дом художника в Кракове был центром, где собирались поэты, актеры, музыканты и где происходили дискуссии об искусстве. Их вдохновляла красота древней столицы Польши. Они творили легенду Кракова, оформляли театральные кафе «Золотой

шарик», «У павлина», издавали альбом «Мельпомена» с портретами-кариатурами любимых актеров. Станиславский – живой, темпераментный, громогласный, крупный – был запечатлен Влодзимежем Тетмайером на панно в кафе «У павлина».

В немногочисленных сохранившихся письмах Станиславского, в воспоминаниях его близких друзей, любимых учеников раскрывается личность художника, его интересы, метод работы, отношение к людям и искусству. Станиславский сравнительно поздно, к 24 годам, осознал свое предназначение как художник, а мог бы стать математиком.

Родился Станиславский на Украине, в деревне Ольшаны. В Киеве постоянно жила его мать, он часто ездил к ней из Кракова, а отец преподавал право в Харьковском университете и еще увлеченно занимался литературой, перевел «Божественную комедию» Данте на польский и русский языки. Атмосфера семьи способствовала занятиям искусством. Молодой Ян Станиславский, учась на математическом факультете в Варшаве, а затем в Технологическом институте Санкт-Петербурга, начал активно заниматься живописью, хотя рисовал с детства. Любовь к искусству перевесила, он подолгу пропадал в Эрмитаже, вдохновляясь произведениями старых мастеров. Потом бросил занятия математикой и поехал учиться в Варшаву к прекрасному педагогу Войцеху Герсону, школу которого прошли все выдающиеся мастера польского модерна¹.

В 1883 г. Станиславский поступил в Школу изящных искусств в Кракове, а два года спустя выехал в Париж, где несколько весенних сезонов занимался у Карлуса Дюрана. Сам он вспоминал: «Я к 24 годам преодолел трудности, поставленные мне жизнью, и принял участие в выставке в Париже» [3, с. 6].

Художник был увлеченным путешественником. Из Парижа, Вены, Мюнхена он возвращался в Киев к матери. Неоднократно ездил в Италию, которую знал основательно и где штудировал памятники архитектуры, не расставаясь с путевым альбомом, делал эскизы пастелью и маслом, изучая музеи.

В 1897 г. Станиславский был принят на должность профессора пейзажного класса Школы изящных искусств Кракова

(с 1900 – Академия художеств). Он энергично увлекал своих учеников на путь пейзажной живописи. «Станиславский как древлянин чувствовал землю, ее травы, громады деревьев», – писал о нем живописец А. Гржимайло-Селецкий [3, s. 48].

Центром, где разворачивалось творчество Станиславского и его учеников, было скромное помещение пейзажных классов. Он направлял внимание студентов на углубленное изучение природы.

Станиславский ввел в обычай поездки с учениками в окрестности Кракова. Выезды на натуру начинались в середине июня. Для студентов это была возможность пожить в деревне. Любимый профессор рядом – строгий во время занятий и совсем иной в компании молодых, неистощимых на выдумки и шутки.

Студент последнего выпуска Станиславского Марцин Замлицкий вспоминает: «Отношение наше к мастеру было очень сердечным. Никто из профессоров, кроме Мальчевского, не мог возбудить в молодых сердцах адептов искусства такой любви к себе, как Станиславский. Легенда (она творится вокруг каждого художника) сохранила память о человеке добром, веселом, доступном, образованном и энтузиасте. Мы глубоко верили в его талант» [3, s. 56].

Память живописца – это особая память, цепко удерживающая детали обстановки и даже цвет: «...ясное пламя шелковой блузы профессора и рядом широкие поля хлебов с меняющимися фиолетовыми и зелеными оттенками» [3, s. 57].

Станиславский внимательно и подолгу рассматривал этюды студентов, наглядно объясняя причины ошибок. Порой им приходилось выслушивать горькие слова, а потом, услышав похвалу, они понимали, что профессор доволен, и давали щедрый выход веселью и остроумию. Совместная работа на этюдах способствовала сближению. На всю жизнь запоминали благодарные ученики рассказы Яна Станиславского об искусстве, о музеях, в которых он бывал, о друзьях художниках. Мастер с особой щедростью делился знаниями в области пейзажа, говорил о колористической гармонии, о силе контраста, о световых эффектах, о тончайших оттенках па-

литры гаснувшего дня. Он остро чувствовал впечатление от природы и умело направлял поиски своих учеников.

О пейзажах Станиславского прекрасно сказал его друг Нестеров. «Своими небольшими картинами-этюдами умел Станиславский говорить о мирном счастье, о хорошей молодости, и с ним так хорошо мечталось! В его искусстве таилось прекрасное сердце... <...> Во всех этюдах-песнях кроется так много славянской меланхолии, которая и нам, русским, мила и любезна и сладко щемит наше сердце» [1, с. 146]. Сам же Станиславский как обычно шутя, говорил о своих небольших по размеру картинах, что он напоминает слона, поднимающего с земли апельсины.

В портрете Станиславского, написанном Нестеровым в 1906 г., за год до его смерти, он изображен грустным, потухшим. Совсем иным, полным сил его запечатлел в пастели выдающийся мастер польского модерна Станислав Выспяньский (*ил. 1*). Таким он был, выезжая с учениками на этюды, такой буйный темперамент он проявлял: гневался, радовался, огорчался, добиваясь, чтобы журнал «Химера», типичное дитя модерна, в котором он активно сотрудничал, выходил вовремя и в достойном оформлении. В чем была новизна издания? К каждому выпуску ежемесячного журнала прилагались автолитографии самых известных современных польских художников. Главный редактор Зенон Пшесмыцкий (1861–1944), публиковавшийся под псевдонимом Мириам, дал аннотацию для читателей: «Сколько произведений, чисто механических, было у нас называемых хромофотографиями, и наконец можем объявить об оригинальной литографии в цвете, исполненной уважаемым польским художником (имеется ввиду Станиславский – *Н. Ф.*)... <...> Здесь оригинальная гравюра. Замысел художника сразу воплощен в этой технике, как наиболее подходящий. Художник сразу рисует на камне, сам подбирает оттенки цвета, сам делает отпечатки с готовых плит, с начала и до конца печатает с камня... Это заинтересует любителей и знатоков» [3, с. 15].

Ярким примером подобного решения может послужить гравюра «Тополя», хранящаяся в фондах графики ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве (*ил. 2*). Толчком для ее создания

послужила картина художника, решенная в символическом духе (1900) .

В письмах Станиславского Зенону Пшесмыцкому видно, как рождался журнал. Ян Станиславский был движущей силой журнала, его кипучая энергия направляла издание. В 1907 г., в год смерти художника, вышел последний номер, объединивший три сборника.

Зенон Пшесмыцкий справедливо сказал: «Его маленькие картины стали большими окнами в природу» [3, с. 42]. Но он был и талантливым педагогом, вдохновлявшим своих учеников. Он продолжал опекать их и после окончания Академии. По его инициативе в 1904 г. в Варшаве, в здании Общества поощрения художеств, а затем в Кракове были организованы выставки работ его учеников.

Исполняя данное Станиславскому обещание, Нестеров в 1905 г. побывал в Кракове, и эти дни остались в его памяти навсегда. Михаил Васильевич был покорен страстной, неизбывной любовью Станиславского к Польше, Кракову – старой столице страны. Нестеров вспоминал: «В освещении знаменитой некогда резиденции польских королей, дорогой Станиславскому старины, истории, быта, культуры было так много поэтического! Увлекаясь сам, он увлек и меня» [1, с. 146].

В новом совместном российско-польском издании «Польская художественная культура в историческом и современном контексте» в разделе «Европейский символизм и модерн» Лариса Ивановна Тананаева пишет о Станиславском: «Можно себе представить, каким замечательным проводником стал этот любимец Кракова для Нестерова» [2, с. 157]. Нестеров так описывает это время: «Он водил нас по Плянтам – Садовому кольцу Кракова. Слушая его, мне хотелось самому крепче любить нашу Россию, с тем, чтобы зажечь моей любовью столь многих равнодушных и безучастных к судьбе нашей родины соотечественников» [1, с. 148]. Краков чудом уцелел в годы Второй мировой войны. И для нас несомненную ценность представляет сохранение и поддержание связей наших славянских культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Войцех Герсон** (1831–1901) – выпускник Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге по классу исторической живописи. С 1872 г. в течение 25 лет – ведущий профессор Варшавских рисовальных классов, тесно связанных с Императорской академией художеств. Он стал одним из инициаторов создания Общества поощрения художеств в Варшаве в 1864 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

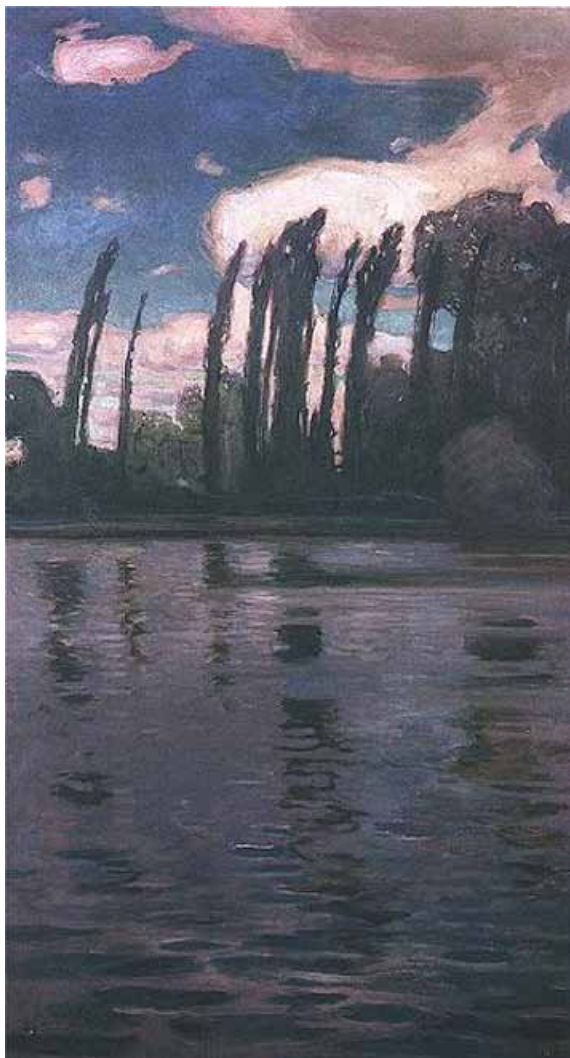
1. *Нестеров М. В.* Ян Станиславский // Давние дни. Встречи и воспоминания / подгот. текста, введ. и примеч. К. Пигарева. 2-е изд., доп. М. : Искусство, 1959. 399 с.

2. *Тананаева Л. И.* Портрет Михаила Нестерова работы Юзефа Мехоффера (Из истории русско-польских художественных контактов) // Польская художественная культура в историческом и современном контексте : тр. / [отв. ред. И. Светлов и И. Люба]. М. : Гнозис, 2021. С. 146–169.

3. *Juszcak W.* Jan Stanislawski. Warszawa : Wydawnictwo Ruch, 1972. 87 s.



1. С. Выспяньский. Портрет Яна Станиславского.
1904. Пастель. Национальный музей в Варшаве



2. Я. Станиславский. Тополя. 1900. Гравюра,
ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва



З. Я. Станиславский. Плянты. Парк в Кракове. 1903. Картон.
Национальный музей, г. Вроцлав